

Невербальные единицы как средство формирования языковой личности в иностранной аудитории

(на материале рассказа Б.С. Ласкина «Наследство»)

Согласно определению Ю.Н. Караулова, под языковой личностью следует понимать «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и *восприятие* (курсив наш. – *Е.М.*) им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [1, с. 3].

Как видно из приведенного выше высказывания, при формировании языковой личности важно учитывать не только способности индивидуума к созданию речевых произведений, но и особенности его восприятия семантически многослойного текста. При этом в качестве образцовой языковой личности можно рассматривать и реального человека, носителя языка, и героя литературного произведения, который также может выступать как «модель реальной языковой личности» [1, с. 6]. Поэтому изучение художественной литературы, в ходе которого происходит формирование вторичной языковой личности учащегося, занимает не последнее место в процессе обучения иностранному языку (см. [2]). При чтении литературы на русском языке студенты не только сталкиваются с грамматическими, лексическими, синтаксическими языковыми трудностями, они также могут испытывать значительные сложности в понимании текста, обусловленные незнанием традиций, обычаев, норм, правил и особенностей поведения русских, что может привести к неверному толкованию художественного произведения или его поверхностному восприятию.

Проиллюстрируем роль невербальных единиц при интерпретации рассказа Б.С. Ласкина «Наследство», в котором автором искусно представлен скрытый диалог вербальных и невербальных средств коммуникации двух основных персонажей.

Так, скромный провинциальный художник Кондратьев, явившийся в город к поднимаемому по служебной лестнице чиновнику Дюжеву, чтобы сообщить ему о смерти тети и передать в наследство закрытый пакет, после приглашения хозяина садиться поудобней «пересел со стула на краешек дивана» [3, с. 90]. Семантика данного жеста в эпизоде амбивалентна и зависит от того, от лица кого идет комментарий – самого Кондратьева или автора: с одной стороны, герой чувствовал стеснение, поскольку пришел в богатый дом, с другой стороны, он не хотел сближаться с хозяином, который тоже сел на диван (это подтверждается фразой Кондратьева «я не гость»).

Китайские студенты при ответе на вопрос «В каких ситуациях вы садитесь лишь на самый край дивана?» давали такие ответы, как «когда я собираюсь скоро уйти», «при разговоре с пожилым или почетным человеком», то есть в тексте им было трудно определить семантику данного действия.

Следующий эпизод, на который стоит обратить внимание, начинается со слов «... они помолчали и, как положено, не чокаясь, выпили по рюмке, помянули Марию Матвеевну» [3, с. 94]. У иностранных студентов могут возникнуть трудности при интерпретации данного фрагмента, если они не знают, во-первых, что на поминках у русских не принято чокаяться, во-вторых, что в этот момент, выпивая за поминальным столом, герои общаются уже на равных. Этот момент является в тексте переломным, поскольку именно с него начинает раскрываться истинное отношение Дюжева к тете. Если сначала Кондратьев испытывал некоторое стеснение перед Дюжевым из-за разницы в материальном положении, то теперь он чувствует себя уверенно, он начинает ощущать себя морально выше хозяина квартиры, он больше не смущается и даже позволяет себе ироничные замечания при чтении писем Дюжева. В начале рассказа события описываются с точки зрения Кондратьева, однако по мере развития сюжета авторские комментарии начинают отражать позицию

Дюжева и его жены, их попытки оправдаться в невнимании к бедной родственнице.

Важную роль при анализе рассказа «Наследство» играет финал, а именно сцена прощания Кондратьева и Дюжева, поскольку адекватное восприятие этого эпизода невозможно без знания особенностей русской невербальной коммуникации.

Автор описывает уход Кондратьева следующим образом:

«...Он кивнул супругам Дюжевым. Руки у него были заняты – в одной плащ, в другой портфель.

<...> Дюжевы вышли на балкон и увидели, как он появился из подъезда и зашагал по тротуару... Михаил Николаевич с супругой помахали ему, но он не ответил.

Возможно, потому, что у него были заняты руки» [3, с. 100].

Нетрудно заметить, что в финале рассказа «Наследство» с небольшими вариациями автором дважды повторяется фраза о том, что у героя были заняты руки.

При работе с финалом произведения необходимо рассказать (или напомнить) иностранным учащимся, как осуществляется ритуал прощания в русской культуре. Известно, что по правилам этикета при встрече или прощании мужчины в России (и во многих других странах) обмениваются рукопожатием. Так, А.К. Байбурин и А.Л. Топорков указывают, что «рукопожатие – один из наиболее привычных нам этикетных жестов, используемый преимущественно при встрече, прощании, в ситуации знакомства» [4, с. 33]. Отказ от рукопожатия в лингвострановедческом словаре «Жесты и мимика в русской речи» расценивается как «знак разрыва взаимоотношений» [5, с. 88], однако при анализе данного рассказа указанную трактовку необходимо подкорректировать. Герои видели друг друга первый раз и вряд ли они еще когда-либо встретятся, поэтому нельзя говорить о том, что между ними успели сложиться определенные отношения, здесь отказ от рукопожатия означает нежелание продолжать

знакомство, подчеркивает презрительное отношение Кондратьева к Дюжеву.

Если предложить студентам для анализа адаптированный вариант рассказа «Наследство» (см. [6]), в котором не приведены некоторые высказанные вслух размышления героев в процессе беседы, они могут не понять истинное отношение Кондратьева к хозяину квартиры. Без комментария преподавателя, без обсуждения особенностей ритуала прощания в русской культуре и анализа поведения Кондратьева в свете полученной информации иностранные учащиеся, скорее всего, не обратят должного внимания на финал рассказа.

По словам китайских студентов, при работе с текстом дома они не придали значения повторяющейся фразе в конце рассказа, а ее истинный смысл стал понятен им лишь после анализа текста на занятии. В китайской культуре мужчины также пожимают друг другу руки при встрече и расставании, однако это характерно в основном для официальных ситуаций. Если человек неприятен и нет желания пожимать ему руку, мужчина в Китае вежливо откажется от рукопожатия под предлогом того, что «руки у него грязные, и он не хочет испачкать собеседника».

Однако, несмотря на то, что все студенты признали значимость невербальных средств коммуникации для понимания поведения героев и смысла всего рассказа, они ощущают ограничение в использовании не свойственных их культуре жестов. По их мнению, жест является спонтанной реакцией, для выработки которой требуется определенное время, кроме того, всегда есть риск перепутать значения жестов и остаться непонятым.

Необходимо также обратить внимание студентов на то, что в ряде эпизодов данного текста (знакомство, прощание героев) наблюдается расхождение между вербальными и невербальными средствами, и тогда понять чувства персонажа помогают именно жесты, поза, мимика и т. д. Это особенно важно при раскрытии образа Кондратьева, так как его

поведение амбивалентно, его можно трактовать по-разному, а интерпретация поведения Дюжева не вызывает затруднений.

Таким образом, чтение и анализ произведений русской литературы способствует формированию вторичной языковой личности студентов-иностранцев, помогая не только лучше усваивать языковой материал, но и получать сведения об особенностях русской культуры, традициях и нормах поведения, без знания и учета которых невозможна полноценная коммуникация на русском языке.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность: сборник статей. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
2. Типы языковой личности: сборник статей. – URL: <http://weblib.in.ua/sites/weblib.in.ua/files/pdf-db/tom2.pdf>.
3. Ласкин Б.С. Наследство // Ласкин Б.С. Что было, то было. – М.: Советский писатель, 1985. – С. 89–100.
4. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этногр. очерки. – Л.: Наука, 1990. – 165 с.
5. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. – М.: Рус. яз., 1991. – 144 с.
6. Лысенко В.И., Маяцкая Н.К., Белик Л.М., Болкунова Е.В. Читаем по-русски. Сборник текстов для чтения: Учебное пособие для иностранных студентов-медиков. – Ставрополь: Изд-во СтГМА, 2008. – 266 с. – URL: <http://www.twirpx.com/file/598477/>.